УДК 82.085

Н.А.ЕГОРЕНКОВА
Санкт-Петербургский государственный горный институт (технический университет)

РЕЧЕВОЙ ПОРТРЕТ И СРЕДСТВА ЕГО СОЗДАНИЯ (на материале прозы Сергея Довлатова)

Статья посвящена анализу языковых средств создания речевого портрета в произведениях С.Довлатова. Сделана попытка описать такие приемы, как антитеза, ирония. Проанализирована лексика, характеризующая речь героев. Предлагается классификация диалогов, дающая представление о взаимоотношениях персонажей.

This article is devoted to analysis of language means of speech portrait creation in works of S.Dovlatov. An attempt is done to describe such means as antithesis, irony. Lexical units characterizing speech of literary characters are being analyzed. Classification of dialogues that presents interrelation of characters is given.

Речь человека, безусловно, является одной из важнейших его характеристик, поэтому без преувеличения можно сказать, что одним из «главных героев» прозы С.Довлатова оказывается «живое слово», причем нередко слово как таковое, как явление самоценное, рассчитанное на эстетическое восприятие и требующее внимательного вслушивания [3]. Сам С.Довлатов не считал себя ни писателем (так как писатель рассказывает о том, ради чего живут люди), ни прозаиком (поскольку прозаик пишет о том, как должны жить люди). Себе Довлатов отводил скромную роль рассказчика, который говорит о том, как живут люди [1].

По свидетельству современников, С.Довлатов был прекрасным рассказчиком в прямом смысле слова [2]. Волшебную простоту живой человеческой речи С.Довлатов переносит и на страницы своих книг. Однако простота и безыскусность повествования у Довлатова обманчивы. Его проза – один из ярких образцов собственно художественной прозы в современной русской литературе. На фоне намеренного пренебрежения стилем сегодняшней прозы особенно показательно изощренное мастерство, с которым отделывается художественная ткань его повестей и рассказов. Безыскусное рассказывание оказывается в высшей степени выстроенным, жестко организованным, действительно сделанным. Исследователями уже описаны некоторые приемы довлатовского письма. К ним отнесены сравнения, повторы (в том числе анафоры), ритмичность (и даже рифмованность) повествования [3]. Добавим, что из языковых средств выразительности у С.Довлатова в авторской речи встречаются метафоры, риторические вопросы, парадокс, градация, ирония, гипербола и антитеза.

Антитеза, пожалуй, один из излюбленнейших изобразительных приемов С.Довлатова. Антитеза основана на сопоставлении противоположных явлений и признаков. Главное достоинство этой фигуры заключается в том, что обе части антитезы взаимно уточняют одна другую; благодаря этому мысль выражается в сжатой и образной форме.

В повести С.Довлатова «Чемодан» есть глава, целиком построенная на использовании антитезы. Глава называется «Куртка Фернана Леже» и начинается предложением: «Эта глава о принце и нищем». Предложение, содержащее слова антонимичного характера, задает тон всему повествованию. Так, например, рассказывая о своем друге детства, главный герой говорит:

«Андрей был *инфантилен, рассеян, полон дружелюбия*. Я уже тогда был *злым и внимательным к человеческим* слабостям» (курсив здесь и далее мой – Н.Е.).

«В школьные годы у каждого из нас появились друзья. Причем, у каждого – свои. Среди моих преобладали *юноши криминального типа*. Андрей тянулся к *мальчикам из хороших семей*». «Короче, наши матери превратились в одинаково грустных и трогательных старух. А мы – в одинаково черствых и невнимательных сыновей. Хотя Андрюша был *преуспевающим физиком*, я же – *диссидентствующим лириком*».

Благодаря антитезе в антонимичные отношения вступают слова и словосочетания, не являющиеся антонимами, например*: март – сентябрь; вся страна – соседи; дача, машина, квартира, слава – астма.* Так, в рассказе об отце главного героя встречаем такие антитезы:

«Черкасова знала *вся страна* как артиста, депутата и борца за мир. Моего отца знали только *соседи* как человека пьющего и нервного. У Черкасова была *дача, машина, квартира и слава*. У моего отца была только *астма*».

Сентябрь, как известно, первый месяц осени, март – первый месяц весны, и этот факт календаря также в антитезе поддерживает идею непохожести судеб героев, которая будто бы предопределена с рожденья:

«В *марте* сорок первого года родился Андрюша Черкасов. В *сентябре* этого же года родился я».

В этой же повести мы находим примеры, в которых антитеза становится еще и средством создания комического эффекта:

«Моя жена, всегда раскрывала ту книгу, что лежала ближе. И начинала читать с любого места. Сначала меня это злило. Затем я убедился, что *книги* ей всегда попадаются *хорошие*. Не то, что мне. Уж если я раскрою *книгу*, то это непременно будет *«Поднятая целина»*…».

В антонимичные отношения в этом отрывке вступают словосочетания *хорошая книга – книга «Поднятая целина»*. Главный герой не дает прямой негативной оценки конкретному литературному произведению, но читателю мгновенно становится понятен подтекст, и это понимание рождает улыбку.

Вообще повествовательная манера главного героя всех произведений С.Довлатова – героя-рассказчика часто заставляет читателя улыбаться. Этому способствует еще один прием, с помощью которого выражается у С.Довлатова отношение к странностям жизни, нелогичным поступкам и маленьким слабостям людей, к порокам общества. Этот прием – ирония. Ирония в речи предполагает употребление слова или выражения в смысле, обратном буквальному, с целью насмешки.

Приведем примеры. Так, в повести «Чемодан» герой-повествователь приглашен на роль царя Петра Первого своим коллегой-журналистом, решившим снять любительский фильм. Начинающий «режиссер» объясняет начинающему «актеру», как вести себя в предстоящем эпизоде. Он советует: «Если тебя случайно заденут – *выхватывай шпагу*...». За этим следует комментарий героя-повествователя: «Шпага лежала у меня на коленях. Клинок был отпилен. *Обнажать его я мог сантиметра на три*...». *Обнажить клинок сантиметра на три* – это, безусловно, действие, «обратное» буквальному *выхватить шпагу*.

…В драке потеряна лыжная шапочка Сергея. Зима. Холодно. Но братья Сергей и Борис продолжают путь, по очереди надевая шапку Бори: «Заходя в очередной ресторан, Боря протягивал мне свою шапку. Когда мы оказывались на улице, я ему эту шапку с *благодарностью* возвращал».

…Фокстерьер Глаша был отдан друзьям на время командировки хозяина. Друзья жили в доме с печным отоплением. Глаша совершила подвиг: спасла всю семью от угарного газа. В награду собаке принесли из буфета ЦК четыреста граммов шейной вырезки. Комментарий автора: «Случай уникальный. Может быть, впервые *партийные льготы* коснулись достойного объекта…».

Приведенные выше цитаты из монологической речи героя-повествователя дают основание судить о нем как о человеке наблюдательном и неравнодушном к любым проявлениям жизни, ироничном, но незлобливом.

Также внимательно он вслушивается в речь других героев. Что слышит вокруг себя Борис Алиханов – главный герой в повести «Заповедник»? Как воспринимает, оценивает речь людей, с которыми ему приходится общаться?

Интересно, что в лексике, характеризующей речь героев-мужчин, преобладают глаголы с экспрессивной окраской: *изводить (вопросами), не униматься, взбеситься, грубить, раздражаться, взывать к логике*. Для характеристики речи героинь характерны наречно-глагольные сочетания: *произнести вяло, внезапно, застенчиво, таинственно, отчетливо, внятно; спросить неожиданно*. Главный герой обращает внимание на *крикливые интонации, визгливый провинциальный говорок* своих собеседниц; дивится *неожиданному разнообразию лексики* одной из них, отмечает, что в общении с ними *элементарная грубость сходит легче, чем воображаемый апломб.*

Но главный герой не только слушает и наблюдает; он вступает в диалоги с другими персонажами. Стиль ведения беседы, отбор лексики, тактические уловки в диалогах – все это также является средствами создания речевого портрета главного героя и его собеседников. Анализ речевого поведения героев позволил нам выделить следующие виды диалогов:

- дружеский диалог (например, диалог с немцем – хозяином гостиницы в повести «Наши»);
- диалог-конфронтация (например, диалог с бывшим университетским знакомым Леней Гурьяновым в повести «Заповедник»);
- диалог-манипуляция (например, диалог с дядей Леоном в повести «Наши»);
- диалог-абсурд (например, диалог с Михаилом Ивановичем Сорокиным в повести «Заповедник»).

Процитируем для примера дружеский диалог Сергея (во время пребывания в Австрии) с хозяином гостиницы:

– Ты состоял в партии?

– Нет.

– А в молодежном союзе?

– Да. Это получилось автоматически.

– Я понимаю. Тебе нравится Запад?

– После тюрьмы мне все нравится.

– Мой отец был арестован в сороковом году. Он называл Гитлера «брауншвайне».

– Он был коммунист?

– Нет, он не был комми. И даже не был красным. Просто – образованный человек. Знал латынь…

Диалог с майором КГБ в повести «Заповедник» занимает больше двух страниц. Алиханов был приглашен для воспитательной беседы в связи с решением его жены уехать в Израиль. Говорит майор. Слушает Борис Алиханов. Вот финал диалога:

Мы снова выпили.

– Идите, – перешел на «вы» майор.

– Спасибо, – говорю.

Это было единственное «слово, которое я выговорил за полчаса».

Таким образом, мы видим, что в повестях С.Довлатова речевой портрет занимает важное место в создании художественных образов. Он создается различными средствами: языковыми приемами выразительности (прежде всего – антитезой, иронией), прямым указанием на качество речи – в монологах; особым образом выстроенными диалогами.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Арьев А.* Наша маленькая жизнь // С.Довлатов. Сочинения в 3-х томах. СПб, 1995. Т.1.

2. *Генис А.* Довлатов и окрестности. М., 1999.

3. *Каргашин И.* Освобожденное слово: поэтика прозы Сергея Довлатова // О Довлатове: Статьи, рецензии, воспоминания / Сост. Е.Довлатова. Тверь, 2001.